

С тех пор как Чжао Юнь перешёл на службу к Гунсунь Цзаню, он каждый день без опозданий ходил в уездную управу на совещания, совершенно не обращая внимания на то, бросает ли Гунсунь Цзань на него косые взгляды.

В это время в Цинчжоу бунтовала Армия Желтых повязок: подняв знамёна и объявив о мобилизации тридцати тысяч воинов, мятежники вознамерились атаковать Бохай.

Гунсунь Цзань туда-сюда шагал по залу.

Тридцать тысяч воинов Жёлтых повязок — одна лишь их поклажа да награбленное добро составят несметные богатства.

— Повелитель, неужто вы хотите преградить путь цинчжоуским разбойникам? — выступил вперёд человек в наряде литератора.

Гунсунь Цзань приподнял бровь и остановился:

— Есть ли у Вэньюаня какие-то соображения по этому поводу?

Фань Фан шагнул вперёд:

— По моему скромному мнению, этот шаг Гуань Хая — не более чем блеф. Я слышал, что Юань Шао как раз ведёт войска против цинчжоуской Армии Желтых повязок, и если Гуань Хай поднимает знамёна в Цинчжоу именно сейчас, то лишь в безумной надежде перенаправить бедствие на восток.

— О? Как это понимать?

Фань Фан улыбнулся, но отвечать не стал, а лишь принялся убеждать:

— Повелитель, эта возможность поистине выпадает раз в жизни. Если удастся воспользоваться ею и усмирить цинчжоуских Жёлтых повязок, это, безусловно, поможет вашей славе прогреметь на всю округу.

— Тогда по словам Вэньюаня, кому лучше всего поручить командование в этом походе?

Гунсунь Цзань обвёл взглядом собравшихся в зале, но ни на ком не задерживался, и в конце концов его глаза снова остановились на Фане Фане.

Лишь тогда Фань Фан огладил бороду и медленно произвел:

— В этом походе повелителю необходимо выступить лично.

Чжао Юнь, как и обычно, вернулся в резиденцию и, обойдя всё вокруг, не нашёл Го Цзя.

— Братец Чжао, господина ищете? — спросил Чэн И, который начал следовать за Чжао Юнем ещё в Чжэньдине. — Господин и Сюй Лу ещё после полудня ушли, полагаю, к этому часу им уже пора бы вернуться.

— Ушли?

— Угу, господин сказал, что просидел в усадьбе целые дни напролёт, и пошёл прогуляться.

Чжао Юнь улыбнулся:

— А он времени зря не теряет.

Чэн И догнал Чжао Юня:

— Братец Чжао, а повелитель ничего не говорил о том, когда мы сможем выступить в поход?

— Какой ещё поход?

— Разве не собираются бить разбойников в жёлтых повязках?

Чжао Юнь остановился и сурово приказал:

— Откуда ты этого наслушался?! Хватит болтать попусту.

Чэн И опешил, опустил голову и пробормотал:

— Понятно.

Чжао Юнь было поднял ногу, но тут же опустил её обратно:

— Как вернётся Фэнсяо, сразу доложи мне.

— Слушаюсь, братец Чжао.

Уезд Цзи, окруженный горами и водами, славился своими чистыми пейзажами и живописными видами.

Го Цзя уже не помнил, как выглядел этот город в его прошлой жизни. Возможно, улочки и переулочки не изменились ни на йоту, и единственным изменением стало разве что состояние его собственной души.

Семь лет затишья, тоска и нереализованные амбиции.

Тогда он был полон великих устремлений и честочивых планов, и никакие, даже самые прекрасные пейзажи, наверняка не могли тронуть его глаз.

Разве похоже это на нынешнее время, когда каждый цветок, каждая травинка, каждая улица и каждый переулок сплетаются в его единственный целый мир?

— Господин, чему вы улыбаетесь? — Сюй Лу сопровождал его всю дорогу и впервые видел, чтобы улыбка не сходила с губ этого человека уже столько времени.

Го Цзя обернулся:

— Захотелось улыбнуться, вот и улыбнулся, разве нужна какая-то причина?

Поскольку город уже долгие годы жил в мире и спокойствии, недостатка в лавках и торговых рядах вдоль улиц не было.

Когда Го Цзя и Сюй Лу проходили мимо одной из лавок, изнутри внезапно раздался громкий звук, а следом на мостовую полетели звенящие жемчуга и рассыпались нефритовые украшения, едва не задев самого Го Цзя.

Сюй Лу тут же разъярился:

— Подумаешь, богатеи! А если бы в человека попали?

— Попали бы так попали, а разбили — так выплатите серебро, делов-то, — раздался голос, и из лавки вышла девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Лицо у неё было миловидным, с ясными бровями и глазами, но язык — на редкость острым. — Моя госпожа сказала: всё, что разбито и поломано, запишите на наш счёт.

Девушка обвела Сюй Лу своими черными блестящими глазами:

— Если бы человека расшибли, его тоже можно было бы записать.

— Сюй Лу, — позвал Го Цзя, возвращая спутника к действительности. — Пойдём.

Сюй Лу бросил на дерзкую девчонку свирепый взгляд.

— Эй! Вы что же это, просто так уходите?! Моя госпожа ещё не возместила вам убытки!

Го Цзя поморщился:

— Мы не пострадали, так что не стоит беспокоить госпожу Сунь.

Рот девушки так и остался открытым, пока силуэты Го Цзя и его спутника не скрылись из виду, после чего она пробормотала в недоумении:

— Откуда он знает, кто я такая?

После этого инцидента с дочерью Гунсунь Цзая у Го Цзя пропало всякое настроение, и, купив на улице немного сладостей, он поспешил обратно в резиденцию.

Не успел Го Цзя сесть и сделать хотя бы глоток чая, как к нему стремительно примчался Чжао Юнь.

— Цзилун пришёл с таким видом, будто спешит. Не случилось ли чего важного? — Го Цзя подвинул купленные недавно сладости. — Вполне неплохи на вкус.

— Повелитель намерен лично выступить против Гуань Хая.

Ныне удельные князья были разделены, каждый исподтишка кроил границы и объявлял себя правителем в своём наделе, в то время как поднявшая восстание в конце династии Хань Армия Желтых повязок всеми ими единодушно воспринималась как банда бунтовщиков, и теперь они наперегонки стремились избавиться от неё под благовидными предложениями.

— Это идея Фань Вэньюаня?

Чжао Юнь кивнул:

— Я вижу, что у повелителя тоже есть такие намерения.

В цинчжоуской Армии Желтых повязок насчитывалось тридцать тысяч человек. Если удастся одержать победу в этом сражении, это несомненно принесет громкую славу. Гунсунь Цзань провел в Ючжоу много лет, но так и не смог завоевать сердца простых людей так глубоко, как это сделал Лю Юй, а стоило перешагнуть границу области Цзичжоу, как там появлялся еще и Юань Шао.

Хотя Белые Всадники Справедливости под командованием Гунсунь Цзая тоже были известны каждому, ему всё ещё не хватало битвы — сражения, способного потрясти весь мир.

Поэтому предложение Фаня Фаня отправить войска было скорее выражением собственных мыслей Гунсунь Цзая, озвученных чужими устами.

Стоило Го Цзя лишь вкратце упомянуть об этих хитросплетениях, как Чжао Юнь сразу же всё понял.

— Фэнсяо хочет сказать, что повелитель желает этим сражением померяться силами с Юань Шао?

— Цзя не видит другого возможного объяснения. Богатство Цинчжоу не идет ни в какое сравнение с запустением и бедностью Ючжоу. Удержать Цинчжоу — вот чего, судя по всему, и желает господин Богуй.

Го Цзя боялся холода. Стоило в уезде Цзи наступить осени, как по ночам поднимались всё более сильные порывы стужи.

Чжао Юнь явился так поспешно, что последовал за Го Цзя в комнату едва ли не по пятам, и тот даже не успел развести жаровню.

Сейчас Чжао Юнь говорил и одновременно растирал ладони; под белой кожей его точеных пальцев слабо проступали синеватые жилки.

Все те дни, пока Го Цзя полусонно маялся в Чжэньдине, его болезненный вид вызывал у Чжао Юня лишь подсознательное беспокойство. Нахмурившись и мыслях пожурив себя за рассеянность, он лично разжёл уголь в жаровне:

— Это по моей недосмотрительности.

В комнате затопили печь, угольки потрескивали, постепенно наполняя помещение теплом.

На губах Го Цзя расцвела улыбка:

— Гуань Хай поднимает войска именно сейчас исключительно для того, чтобы заставить Юань Шао принять на себя этот удар. Такой огромный лакомый кусок, включая... — Го Цзя поджал губы, но промолчал о тех, кто жадно косился на Цинчжоу, — пожалуй, никто из них не захочет, чтобы Юань Шао забрал всё себе.

Чжао Юнь внезапно всё понял:

— Неудивительно, что Фань Фан говорил, будто Гуань Хай намерен перенаправить бедствие на восток.

— Ур-р...

Го Цзя с смущенным видом взглянул на Чжао Юня. Стоило ему вернуться, как Чжао Юнь засыпал его вопросами, а между тем на дворе уже совсем стемнело, и было неизвестно, где там остывает его ужин.

На щеках Го Цзя неожиданно проступил румянец, и он с неловкой улыбкой чуть скривил губы. В глазах Чжао Юня это выглядело на редкость... мило.

Сердце Чжао Юня дрогнуло, словно его на мгновение коснулись птичьим пером.

Го Цзя поднялся, чтобы проводить гостя, и Чжао Юнь в каком-то забытии дошёл с ним до самой двери.

Внезапно он обернулся и спросил:

— Фэнсяо, почему ты не хочешь поступить на службу к повелителю?

Го Цзя замер, а затем с улыбкой ответил:

— У меня слабое здоровье, я гожусь лишь для того, чтобы греться на солнышке.

Чжао Юнь улыбнулся.

— Цзилун, неужто ты считаешь, что я стал для тебя лишь лишним дармоедом? — брови Го Цзя слегка сошлись на переносице, а взгляд на миг потемнел.

У Чжао Юня в груди внезапно всё сжалось; он напустил на себя суровый вид, но в голосе прозвучала искренняя боль:

— Чушь собачья! — С этими словами он взмахнул рукавом и большими шагами удалился.

Го Цзя стоял у порога, и в его глубоких черных глазах постепенно собиралась мягкость, а на губах застыла красивая улыбка.

Неужели огонь при Чиби в прошлой жизни сжёг его душу лишь для того, чтобы теперь, ниточка за ниточкой, собрать её воедино в этой?

В этот поход Гунсунь Цзань назначил Тянь Кая авангардом, сам возглавил основные силы, а Фань Фан отправился вместе с армией, но Чжао Юня почему-то оставил позади.

Чжао Юнь сидел на каменном табурете во дворе и тщательно протирал свое серебряное копье Яцзяо, без усталости натирая его снова и снова.

После того как Чжао Юнь присоединился к Гунсунь Цзаню, он участвовал во всех ежедневных совещаниях, но на эту самую войну его брать не стали.

Чжао Юнь выбрал путь воина ради того, чтобы сражаться на полях сражений и усмирить хаос в Поднебесной.

Что же до погони за громкой славой, к ней у него особой тяги не было.

Просто он изначально рассчитывал проявить себя в этом походе, но, судя по всему, тот человек оказался прав.

Перед тем как распределять военачальников, Чжао Юнь спросил Гунсунь Цзяня:

— Что вы думаете об этом походе?

Кто бы мог подумать, что Го Цзя ответит не задумываясь:

— Это сражение Цзилуна не касается.

А на следующий день Чжао Юнь узнал, что Гунсунь Цзянь действительно не включил его в состав экспедиционного войска.

Чжао Юнь беспомощно вздохнул и легко покачал головой.

Иногда он действительно ничего не понимал.

С талантом Го Цзя занять место советника при дворе Гунсунь Цзяню — да Фань Фану пришлось бы подвинуться.

Кто бы мог подумать, что этот человек ещё и предостерегал его от любых упоминаний о нём перед кем бы то ни было.

А сам он действительно изо дня в день расставлял во дворе кресло-качалку и грелся на солнце.

Как и сейчас.

— Цзилун, ты своё копье Яцзяо протираешь уже почти целый час.

Движения Чжао Юня замедлились, и он бросил взгляд на человека, который безмятежно лежал в кресле-качалке, неторопливо покачиваясь с закрытыми глазами и выглядя невероятно расслабленным.

— Фэнсяо...

— Цзилун хочет отправиться в поход с господином Богуем?

Чжао Юнь кивнул:

— Разумеется.

Го Цзя посмотрел на него:

— К сожалению, они уже ушли.

Чжао Юнь смутился и уныло произнес:

— Фэнсяо снова надо мной смеётся.

Го Цзя моргнул и с улыбкой ответил:

— Цзилун, я не смею.

Чжао Юнь отложил копье и подошел к нему:

— Я слышал от Сюй Лу, что ты последние несколько дней не принимал лекарства.

— Угу, — Го Цзя отвернулся. — Цзи уже поправился, пить больше не нужно.

— Лекарь дал согласие?

Го Цзя надул губы и ничего не ответил.

Мелкие лучи солнца пробивались сквозь густые тени деревьев, падая на его лицо, словно окутывая его легкой дымкой, а слегка бледные губы складывались в мягкую линию.

Чжао Юнь замер.

Ему показалось, что время вдруг остановилось, став удивительно тихим и безмятежным.

Шорох шагов нарушил эту мгновенную тишину.

— Братец Чжао, к вам пришли.

Чэн И выглядел так, будто грубо ворвался в чужую картину.

Чжао Юнь спросил:

— Кто?

— Уездный стряпчий Гуань.

— Зачем это он пожаловал? — Го Цзя тоже поднялся с места и недовольно произнес.

Чжао Юнь слегка поддержал его под руку:

— Я пойду приму его.

Гуань Цзин, заложив руки в рукава, стоял в зале. Увидев входящего Чжао Юня, он звучно рассмеялся и шагнул навстречу с приветствием:

— Цзилун, сколько дней мы не виделись, сколько дней не виделись!

Чжао Юнь сложил руки в почете, жестом указал на место и спросил:

— Не знаю, зачем Шици пожаловал ко мне?

Гуань Цзин странно усмехнулся, и его глаза продолжали беспрестанно бегать по фигуре Чжао Юня:

— Хе-хе, я пришёл сегодня, чтобы сделать Цзилуну великий подарок.

— Какой подарок?

— Цзилун узнает, как только последует за мной к госпоже, — Гуань Цзин сделал приглашающий жест. — Прошу.

— Так спешно?

— Хорошие дела не должны ждать. Если Цзилун однажды вознесется к небесам, умоляю, не забывай меня, хе-хе.

Чжао Юнь поначалу не догадывался о намерениях Гуань Цзина, а услышавший рассказ Чэн И Го Цзя во внутренних покоях сдвинул брови еще сильнее — в тот день он почти не притронулся к ужину.

Уйдя туда, Чжао Юнь пробыл в уездной управе до тех пор, пока луна не повисла на ветвях деревьев, и лишь после этого вернулся.

Едва переступив порог, он велел Чэн И вскипятить воду для купания. От него пахло чужими духами, и этот запах был ему неприятен.

Чэн И уже собирался постучать в дверь, когда руку с подносом чистой одежды, которую он держал, кто-то мягко опустил вниз.

— Господин?

Го Цзя улыбнулся:

— Я сам.

Чжао Юнь торопился и забыл занести одежду внутрь, а теперь велел Чэн И принести её, но, к его удивлению, в комнату вошел Го Цзя.

Ширма разделяла их надвое.

— Чэн И, неужели ты не знаешь, зачем меня звал Гуань Цзин?

— Неужто сватать собрался за Цзилуна?

Ледяной голос донесся из-за ширмы, и вовсе не принадлежал Чэн И.

Чжао Юнь оступился и с глухим звуком целиком ушел под воду в деревянной бадье.

<http://bllate.org/book/19191/1884801>